

Г.А.Х.Н. И НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

На истории наших художественных выступлений за границей мало останавливаются, а между тем они сыграли значительную роль не только в деле распространения сведений о нашей художественной культуре в Европе, Америке и Японии, но имели известное политическое значение. Искусство—одно из самых могущественных орудий в деле сближения народов и взаимного понимания. Если экономический и культурный рост Советского Союза является самым убедительным опровержением против лживых обвинений, возводимых на нас нашими врагами, то художественные выставки занимают крупнейшее место в качестве демонстрации этого роста. Заграничные выставки посещают сотни тысяч зрителей, а иногда количество их исчисляется, как, например, на Международной выставке декоративных искусств в 1925 году в Париже, — миллионами. Печать уделяет им самое серьезное внимание. Об открытии выставок, имеющих международный характер, обычно оповещаются газеты всего мира. Наконец, самое главное: успех выставки, действительно высокая художественная продукция страны привлекают к ней сочувствие художественного мира, создают добровольную армию защитников и агитаторов, притом защитников в той среде, влияние которой на общественное мнение еще до сих пор недостаточно учитывается. Деятели искусства всех видов, художники, артисты, писатели и более широкие круги интеллигенции соста-

вляют значительный контингент посетителей выставки. Высотой ее продукции определяют они свое отношение к той стране, откуда привезена выставка. Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что в глазах художника каждый народ достоин того искусства, которое он имеет.

Государственная Академия художественных наук с самого начала была привлечена Наркомпросом к организации наших художественных выступлений за границей, и после осуществления первых выставок постановлением коллегии Наркомпроса она была признана постоянным органом при Наркомпросе по организации наших художественных выставок за границей. Наше искусство возбуждало настолько большой интерес за границей, что уже в 1920 году, в то время, когда мы еще не были признаны ни в одной стране, начались переговоры о нашем участии в знаменитых венецианских *biennale*. Международные выставки в ВЕНЕЦИИ происходят каждые два года. В 1935 году исполнится сорок лет существования этих выставок. Под них отведена обширная территория в так называемых *Giardini pubblici*. Эти «общественные сады» расположены по пути от Венеции к Лидо, которое наравне с Капри, Комо, Сорренто пользуется мировой известностью, и летом привлекает к себе туристов всех стран. Венеция, замирающая в зимние месяцы, летом представляет собой грандиознейший отель, через который проходят десятки тысяч приез-

жающих путешественников, оста-
вливающих в Венеции на более или
менее продолжительные сроки. В те-
чение лета вся эта публика, среди
которой находятся корреспонденты
главнейших газет Европы, Америки,
Японии, перебивает в «общественных
садах». На выставочной территории,
кроме главного выставочного здания,
вмещающего около пятидесяти зал и
принадлежащего Италии, имеются
национальные павильоны Франции,
Англии, Голландии, Испании, Герма-
нии, Бельгии, Венгрии. Другие госу-
дарства, не имеющие своих павильо-
нов, обычно выставляют свои произ-
ведения вместе с итальянцами. Рус-
ский павильон был построен в старом
русском стиле по проекту архитектора
Щусева. Он не отличается большими
размерами, в нем всего три выставоч-
ные зала, не считая вестибюля.

Война на несколько лет прервала
деятельность венецианского комитета,
и только в 1920 году знаменитые
biennale были возобновлены. Не-
смотря на то, что и тогда по частной
инициативе возникал вопрос об уча-
стии наших художников на выставке
1920 года, нам ничего не удалось
сделать в этом направлении, так как
в те бурные годы, в эпоху граждан-
ской войны и хозяйственной разрухи,
нам было не до выставок. К следую-
щей biennale, в 1922 году, некото-
рые представители художественного
мира Италии снова обращались к нам
с просьбой принять участие в вы-
ставке. Вопрос приобретал для нас и
известное политическое значение, так
как в 1920 году наш павильон был
сдан художникам-эмигрантам. Одна-
ко, отсутствие дипломатических сно-
шений с Италией помешало нам и на
этот раз организовать советский от-
дел на венецианской выставке, несмо-
тря на то, что Академия предприняла
реальные шаги к осуществлению этой
задачи, устроила ряд совещаний ху-
дожников и начала собирать материал.

И только в 1924 году, после офи-
циального признания Италией совет-
ского правительства, осуществилось

первое крупное выступление нашего
искусства на большой международ-
ной арене. Государственная Академия
художественных наук сформировала
под моим председательством специаль-
ный комитет, получивший директив-
ные указания от художественного со-
вета, возглавляемого А. В. Луначарским. Художественная сторона
нашего отдела, его оформление бы-
ли поручены А. М. Эфросу и Б. Н.
Герновцу. Эта выставка име-
ла неожиданный и большой успех,
в особенности, если принять во
внимание те трудности, которыми
сопровождалось ее осуществление.
Запоздавшее приглашение имело
своим следствием и запоздание
открытия нашего отдела, (который
был открыт через два месяца
после официального открытия всей
выставки), сравнительно в глу-
хое время. Тем не менее, интерес к
советскому искусству был настолько
велик, что открытие нашего отдела
привлекло живейшее внимание и пу-
блики, и печати, и художественного
мира. Первые наши шаги были встре-
чены с большим недоверием. Потоки
лжи и клеветы, которые обрушивала в
те времена буржуазная печать на со-
ветскую власть, оказывали свое влия-
ние не только на широкие обыватель-
ские массы, но и на представителей
художественного мира, даже на вы-
ставочный комитет, пригласивший
нас, и на официальные круги. Прав-
да, русская эмиграция слабо пред-
ставлена в Италии, и здесь нам ско-
рее удалось наладить отношения, чем
это случилось позднее в Париже, ко-
гда на выставке декоративных
искусств, где я также был комисса-
ром советского отдела, я и мои това-
рищи подвергались систематической
травле со стороны эмигрантской и пра-
вой части французской печати.

Наш отдел на венецианской вы-
ставке 1924 года, несомненно, пробил
первую большую брешь в том недо-
верии, которым окружалось все, что
исходило из революционной страны.
Искусство, повторяем мы, самое убе-

дительное свидетельство культурного уровня страны. А наше искусство было представлено настолько ярко, что все, кто мог сохранить в себе хотя бы долю объективности, а в особенности все те, кто на выставках больше думает о художественных качествах произведений, чем о политике, все они безусловно убедились, что советская страна представляет собою не пустыню, а могучий источник творческих сил, что все слухи желтой прессы об исчезновении у нас всякой культуры являются плодом досужего вымысла. Западный художественный мир увидел на выставке не только хорошо знакомых ему старых художников вроде Гр а б а р я или таких художников, которые, хотя и выставлялись изредка на Западе, но были там мало известны, а теперь явились в расцвете своего таланта (Ш т е р н б е р г, К о н ч а л о в с к и й, А л ь т м а н, К у з н е ц о в, Л е н т у л о в, С а р ь я н). На суд европейской художественной критики предстали новые художники, которых никто не знал, которые начали свою деятельность в тяжелые революционные годы, и которые сразу обратили на себя внимание. Италия, с ее высокой художественной культурой, могла воочию убедиться, что советская власть даже в тяжелых экономических и политических условиях не только не истребила, как писали в иностранной печати, наших художников и наши музеи, но приняла все меры к тому, чтобы сохранить существующие художественные силы и создать почву для развития новых дарований. Когда на этой первой, и позднее на других выставках, организованных на западе Академией, появились произведения Ф а л ь к а, Р о ж д е с т в е н с к о г о, Я к о в л е в а, Ш у х м и н а, А р х и п о в а, П и м е н о в а, Д е й н е к а, Б о г о р о д с к о г о, К р а в ч е н к о, Ф а в о р с к о г о, К у п р е я н о в а, В е р е й с к о г о, Л е б е д е в а, наших новых скульпторов Ф р и х - Х а р а, С а н д о м и р с к о й, М у х и н о й, Ш а д р а, Э л о н е н а и других, то

только люди, совершенно ослепленные злобой, могли не видеть тех успехов, которые сделало советское искусство.

Таков был первый результат нашего первого после войны выхода на состязание культурных стран в Венеции. Но не менее значительным надо признать и то впечатление, которое произвела наша выставка по существу. Несмотря на отдельные отзывы, явно продиктованные политическими предубеждениями, выставка была встречена сочувственно большинством критиков. При организации выставок, учитывая требовательность итальянской критики и высоту итальянской художественной культуры, Академия отбирала произведения прежде всего по признаку мастерства, и стремилась в нашем отделе прежде всего представить свидетельство неснижения нашей художественной культуры. Итальянская печать оценила наш отдел с этой стороны, и даже такой взыскательный критик, как директор венецианской галереи Б а р б а н т и н и, в большой статье, помещенной в *Gazetta di Venezia*, дал подробный анализ советского искусства, отметив его достижения. Несмотря на то, что Академия тщательно избегала вносить политическую окраску в возложенное на нее дело, тем не менее иностранцы сразу почувствовали нечто новое в самом содержании советской живописи, графики и скульптуры. Здесь, у себя, мы в процессе лихорадочной строительской работы часто не ощущаем, как мы выглядим со стороны. Только там, за границей, мы сами почувствовали, что между нами и западным миром легла грань, отделяющая наши стремления от тенденций, определяющих характер буржуазной культуры. Итальянская пресса не могла не почувствовать ту бодрость, тот строительский пафос, тот дух активизма, которыми веяло со стен нашего павильона, с фронтона которого с нашим приездом исчез царский герб и появились четыре буквы U.R.S.S. Замечательно, что западная художественная критика, обычно обсуждающая

произведения искусства с точки зрения так называемого «чистого искусства», подняла невольно вокруг советского павильона ряд тем общественного порядка. Если нас можно было обвинить в какой-нибудь агитации, то только в этом смысле. Самое появление наших художников, художников, в чистом смысле этого слова, но уже обвеянных дыханием революции, невольно приносило собою освежающую струю, прокладывало невидимый путь каким-то новым представлениям о творчестве и задачах искусства.

Советский отдел занял первое место среди иностранных павильонов по количеству проданных вещей (около 40), из которых некоторые украшают в настоящее время крупнейшие государственные и частные галереи Италии.

В ПАРИЖЕ в 1925 году, на грандиозной выставке декоративного искусства и индустрии, советский отдел сыграл более значительную роль, чем в Венеции. И здесь те же затруднения. Мировой масштаб этой выставки, занимавшей площадь от Grand Palais до Дворца Инвалидов, площадь, на которой мог бы разместиться крупный провинциальный город, делал наше выступление чрезвычайно ответственным. Какое значение придавали выставке участвующие в ней страны, видно из того, что подготовка к ней в некоторых государствах началась за два года до ее открытия. А между тем мы получили приглашение в ноябре 1925 года, за несколько месяцев до ее начала, немедленно после признания советского правительства Францией. Когда мы явились в Париж, на территории выставки уже высились грандиозные дворцы Англии, Италии, Бельгии, и многоэтажные дворцы, воздвигнутые богатыми французскими фирмами. У нас оставалось в распоряжении всего несколько месяцев. Мы располагали средствами ничтожными в сравнении с сотнями тысяч долларов и стерлингов, ассигнованными богатейшими государствами.

В распоряжении комитета оказался любопытный документ комитета японского павильона, который, собирая сведения о всех павильонах для подготавливаемого им задания и рассылая соответствующие анкеты, между прочим, для образца, приложил свою собственную анкету. Среди вопросов был вопрос о затраченных средствах на организацию каждого отдела. Из анкет японцев следовало, что их отдел обошелся им в несколько сот тысяч рублей на наши деньги. Постройка итальянского павильона, как писали газеты, обошлась в три миллиона лир. В нашем распоряжении находилась скромная сумма, но именно эта выставка показала и огромные преимущества, которыми мы пользовались. Даже в это время было ясно, что устройство большого дела путем привлечения широких коллективов, путем содействия государственных и общественных организаций значительно сокращает и расходы, и время. Академии удалось объединить вокруг себя ряд учреждений, сплотить художественные силы. В короткий срок были собраны экспонаты со всех концов Союза. Прибыли изделия художественной промышленности не только из *Белоруссии, Украины*, но и из самых отдаленных республик и областей, с *Кавказа, из Восточной Сибири, с Севера*, и т. д. Задача выставки заключалась в том, чтобы дать, если можно так выразиться, моментальный снимок современного быта, выявить все то, что сделано современной творческой мыслью для того, чтобы придать этому быту целесообразные художественные формы.

Здесь гораздо более резко, чем в Венеции, выявилось своеобразие нашего социалистического бытия. Богатство и роскошь являлись отличительными признаками европейских павильонов. В павильоне мод красовались платья, цены которым колебались от семи до сорока тысяч франков. Витрина бриллиантов охранялась специальным нарядом полиции. Показательные комнаты в большинстве па-

вильонов представляли собою образцы богатых буржуазных квартир. Были даже такие ансамбли, как часовни и церкви. Кабинеты, гостиные и спальни были наполнены традиционной тяжелой мебелью с шелковыми и бархатными обивками.

Советский павильон, построенный по проекту молодого архитектора Мельникова, состоял из стекла и дерева. На нем явно сказались новые тенденции архитектуры, ярким защитником которых является Корбюзье. Он пересекался по диагонали широкой лестницей, весь был открыт взору проходившей публики и стал предметом горячих споров. Высокая мачта, на которой по вечерам ярким светом горели наши буквы, развевающийся над ними красный флаг сделали наш павильон предметом ненависти и бешеных нападков со стороны эмигрантской печати. Комитет не называли иначе как шайкой бандитов, в монархических листках были опубликованы имена всех художников, принимавших участие в выставке, и всем им была обещана жестокая расправа после свержения советской власти. Вместо богатых буржуазных квартир, в галлерее ансамблей мы дали в натуральную величину стилизованный рабочий клуб по проекту художника Родченко и образцовую избу-читальню, над оформлением которой много поработал покойный Я. А. Тугендхольд. Самое оформление нашего отдела как в павильоне, так и в Grand Palais было произведено художниками Штернбергом и Родченко, а особое помещение, занятое Госиздатом, — художником Рабиновичем. Несмотря на бешеную травлю, несмотря на сложность дела в финансовом и административном отношении, причем здесь нельзя не отметить большой работы моего ближайшего сотрудника В. Э. Морица, советский отдел вышел победителем из трудной борьбы. На его открытии заявили желание присутствовать такое обилие народу, что при-

шлось самую церемонию открытия устроить в центральном зале, а не в павильоне. Если правая печать открыла кампанию против нашего отдела, в особенности после известного инцидента, когда толпа, собравшаяся на открытии, устроила овацию нашему полпреду Красинову, зато в рабочих кругах павильон вызвал огромный интерес и по окончании выставки он не был разрушен, как другие павильоны, а восстановлен и сохранен по почину рабочих организаций. Успех нашего отдела, в особенности театральной секции, которой посвящались специальные статьи в художественных журналах, лучше всего определяется количеством полученных нами наград, (около двухсот). Наш театр вышел победителем и занял первое место на этом мировом культурном состязании. Среди них высшей награды (grand prix) удостоились, например, четыре наших театра: *Большой, Художественный, Мейерхольда* и *Камерный*, такие графики как *Фаворский* и *Кравченко*, наша *палеховская* продукция и ряд других.

Две описанные выставки представляли собою наибольшие трудности. Академии приходилось разбивать предревления, работать в чрезвычайно неблагоприятной обстановке. Эти же выставки определили и дальнейший путь. Наше участие в 1927 году на выставке декоративных искусств в МОНЦА-МИЛАНЕ, на очередной ВЕНЕЦИАНСКОЙ выставке 1928 ГОДА, на художественной выставке в ДРЕЗДЕНЕ и т. д. сопровождалось неизменным успехом. К числу важнейших последствий наших зарубежных выступлений следует отнести те связи, которые завязались между нашим художественным миром и художественным миром Запада. В значительной степени поездкам советских художественных деятелей за границу мы обязаны приездом сюда ряда писателей (*Дюамель, Дюртэн, Вильдрак, Мазон* и др.) и появлением статей, а иногда целых книг о Советском Союзе, дающих бо-

лее авторитетное и правильное освещение нашей культурной жизни, чем это обычно делается за границей.

Опыт прошедших выставок необходимо учесть. В особенности предотвратить те отрицательные стороны нашей организации, которые нередко мешали достигнуть высших результатов. Одним из важнейших недостатков является отсутствие плановости в организации выставок. Это ведет и к непроизводительным тратам и к известному кустарничеству. Выставочное дело должно быть сосредоточено в одном центре, куда должны сходить все запросы и приглашения. Этот же центр должен проявлять инициативу в тех случаях, когда мы почему-нибудь не получаем приглашения, но когда участие в выставке представляет для нас интерес. При наличии такого центра, можно будет избежать тех недочетов, с которыми нам приходилось сталкиваться. Обыкновенно оконча-

тельное решение вопроса о принятии того или другого приглашения происходит с большим запозданием, что вредно отражается на подготовительных работах. Достаточно, напр., отметить, что имущество, остающееся после выставки (стекла, рамы и пр.), обычно ликвидируется, а для новой выставки приобретаетась вновь.

Это один из незначительных примеров ущерба, вызванного отсутствием плановости и постоянного аппарата.

Сосредоточение всего дела в руках центрального выставочного комитета, который должен быть сформирован при участии наиболее заинтересованных органов, прежде всего Главискусства, Вокса и Академии художественных наук, располагающей богатым опытом в деле организации различных выставок, даст возможность развить это дело с наименьшими затратами и средств и сил.

П. С. КОГАН

*